

«Эманация «Ригонды». Фантастический рОман.

Посвящается Антону Александровичу Горскому, с искренним уважением.

Предупреждение: все действующие лица и события вымышлены. Все совпадения случайны и непреднамеренны. Автор не несёт ответственность за действия своих героев.

Предупреждение: все опечатки и ошибки в тексте, опечатками и ошибками не являются.

«...Жизнь человеческая – забавная штука. Говорят, будто ангелы плачут, глядя на нас, а мне кажется, что чаще всего они держатся за бока от смеха». Р.Л. Стивенсон

Глава 1.

В ночь с воскресенья на понедельник Гурьянов спал плохо. Снилось ему непонятно что, тревожное и неприятное, какие – то ящики с переключателями, какие – то эстафеты на стадионе, в которых Гурьянов обязан был принимать участие, почему – то башенный подъёмный кран, по которому вниз головой лазал директор одной из мытишинских строительных фирм, а Гурьянов его зачем – то догонял, залезая на кран в одних трусах. «Ай, джан, зачем пугаешь, а?» – кричал директор. Несколько раз Гурьянов просыпался, ковылял на кухню попить воды, чесал грудь, бормотал изумлённо: «Вот же свёподапря какая...», и снова проваливался в тяжёлый, изматывающий сон. Под утро приснилась вовсе совершенная похабщина – Гурьянову снилось, будто он, на Большой Олимпийской Арене в Лужниках, участвует в соревнованиях по ползанию задом наперёд, и полные трибуны скандируют: «Гу – рья - нов! Гу – рья - нов!», а на огромном световом табло

вдруг появляется лилово – голубая надпись **#ГУРЬЯНОВПЦУЙ**.

Встал Гурьянов совершенно не выспавшийся, с тяжёлой головой, и в подавленном настроении. Кое – как дотянув до обеда, он плотно наелся домашних пельменей, залив их сверху чаем с крыжовниковым вареньем, и ощутил, что ему абсолютно необходимо пару часиков вздремнуть.

«Спасть!» - решил Гурьянов.

Как ни странно, и днём сон оказался дурным – Гурьянову снилось, будто он, живой, лежит в гробу, держа в руке свою книгу о старых Мытищах, а вокруг стоят люди со слегка печальными лицами, и сам Губернатор произносит прочувствованную речь, называя Гурьянова краеугольным камнем краеведения. Лежать Гурьянову было так хорошо, так душевно, что шевелиться совсем не хотелось. Вдруг, когда Губернатор пожал ему руку, некурящий Гурьянов ощутил непреодолимое желание закурить, одновременно вспомнив о неспрятанном кирпиче от мытищинского кремля у себя на даче. «Дурни, закурить есть? Забыл совсем, мне же кирпичи на даче перепрятать нужно» - сказал Гурьянов. После этих его слов раздались непонятные громкие крики, что – то глухо стукнуло, и наступила темнота.

Глава 2.

Неожиданно для городской общественности, состоялись похороны Гурьянова. Неожиданно – потому что никто и знать не знал, и слышать не слышал, что он умер, да и здоровьем усопший отличался отменным, во всяком случае – здоровьем физическим, и вот те на! Пришлось идти хоронить. На кладбище собралось почти полгорода, и приехал даже сам Губернатор. В гроб покойнику положили последние экземпляры его книги, Губернатор произнёс прочувствованную речь - мол, хороним соль земли нашей, краеугольный камень краеведения городского в землю закапываем; мы же теперь старые Мытищи до основания сроем, и платные дороги на этом месте проложим, и никто нас не остановит, не укорит; пожал покойнику руку, утёр скупую мужскую слезу, и опрокинул услужливо поднесённую стопку водки. Начали гроб закрывать, а Гурьянов вдруг открыл глаза, и говорит: «Дурни, закурить есть? Забыл совсем, мне же кирпичи на даче перепрятать нужно».

Тут Губернатор как заорёт: «Закапывай на хрен!! Закапывай!!!» Ну, что, закопали. Губернатор же, как ослушаться. А он вытер платком выступивший на лбу холодный пот, и говорит: «Ффффууу! У нас же фонды на памятники Гурьянову выделены, их ещё осваивать и осваивать!»

Разошлись, разъехались все – кто домой, кто на поминки, кто вывозить с гурьяновской дачи драгоценный антикварный кирпич. Опустело кладбище. Сумерки, как цепенящий морок, накрыли кладбище, и город, и пригороды. И вдруг, затрещало что – то, заколотило гулко, заухало, и деревянный крест,

наскоро воткнутый в свежую могилу, сам собой отлетел на добрый десяток шагов, с треском рухнув в кусты, а могильная земля вспучилась, разверзлась, и вылез матерящийся Гурьянов, грязный, помятый, с большой свежей шишкой на лбу. «Дурни, их ещё не было, а я уже Олимпиаду проводил! А туда же, не выросли ещё, а уже командовать хотят. Мало я им шизгару крутил, ой, мало! На сайт мой не хотят заходить, а туда же, закапывать! Обозваться не могут, а за кирпичами от мытищинского кремля во как рванули, на самолёте не догонишь! Вот же дурни, стоило спастись лечь после обеда, так сразу меня хоронить захотели! Меня, человека с тремя высшими, трижды лауреата, и с тридцатью тремя изобретениями! А вот фиг вам, вы ещё для Родины не сделали! У вас ещё уши не красные!» - с этими словами, ещё покачиваясь, но уже уверенно набирая скорость, Гурьянов кинулся напролом через лес, в сторону своей дачи.

В лесу было уже совсем темно. Не разбирая дороги, Гурьянов нёсся к своей даче, проламывая в кустарнике изрядные просеки, снося животом тонкие деревья, и досадливо огибая деревья большие. Из – под ног с писком выскакивали какие – то зверушки, не то белки, не то ёжики. В голове билась и толкалась в виски одна мысль: «Кирпич! Кирпич!! Кирпич!!! Увезут, гады. Я же годами разбирал этот проклятуший кремль, я же на себе этот кирпич на дачу таскал. А унижался сколько, сколько задниц вылизал, всё чтобы главным краеедом стать, чтобы доступ в архивы получить, чтобы все документы о кремле мытищинском похерить, чтоб следа от него не осталось! У, гады! Дурни! Чтоб вы все обозвались! Не позволю! Не потерплю! Это мой кирпич! Это я его продаю! Это меня остров в Греции ждёт, чтобы я его купил! И всё, сам себе Губернатор, сам себе Президент! Дурни!! Пошли все вон с моего острова!!!»

Завизжав от злости, Гурьянов не заметил огромный дуб, со всего разбега хрякнулся в него лбом, и без чувств рухнул на землю.

Ощущения возвращались постепенно. Сначала Гурьянов почувствовал, что ему холодно. «Вот же ж, лёг спастись, а форточку не закрыл» - подумал он. Вставать было лень. Лень была большая, тяжёлая, без просветов. «Да и х...» - начал думать Гурьянов, но тут его щеки коснулось что – то холодное. Открыв глаз, Гурьянов увидел нечто округлое, золотистого цвета. Пришлось открыть оба глаза, и повернуться на спину. То, что Гурьянов увидел, ему не понравилось – с ветки дуба свешивалась толстенная золотистая цепь, почти касавшаяся его головы, а на цепи, посверкивая зелёными глазами, кто – то сидел. «Гость, обзавись!» - прохрипел Гурьянов. «Ага, счас!», - ответил этот кто – то, оказавшийся огромным котом, - «чуть дуб мне не сломал, вон - цепь свалилась, и ещё его обзывает! Сам ты хуже татарина! Как теперь цепь на место наблочивать, а? Русалку – то ещё в девяностые твой дружбан Шапкин на закусь завялил, один я теперь на дубе».

- Это... У меня сотрясение мозга, да? А ты мне кажешься? - спросил Гурьянов.

- Ну, нет! - ответил кот, - сотрясти можно только то, что есть! Ладно, некогда мне с тобой болтать. Побегу за медведями, цепь на место надо - и кот исчез.

Ничего не понимающий Гурьянов медленно сел, посмотрел вокруг себя, посмотрел на свои руки, и удивился: «Уже ночь, я в лесу, и всё вижу...» Всё было освещено каким – то неярким, красноватым светом. «Совсем как олимпийский огонь в 80 – м году» - вдруг подумал Гурьянов. Источник этого света явно находился прямо над Гурьяновым. Он посмотрел вверх – темно. Тогда Гурьянов начал ощупывать себя, свою голову, и руки его натолкнулись на две огромные горячие шишки, слева побольше, справа поменьше. Левая шишка была совсем свежая. Странно, но голова совсем не болела. «Так это шишки светятся!» - догадался Гурьянов.

«Кирпич!!!» - вдруг вспомнил он. Вскочил, развернулся в сторону дачи, и остановился. «А, чёрт», - подумал Гурьянов, - «я же грязный, всю одежду на лоскуты разорвал в лесу, и ещё шишки эти... Меня же первый встречный полицейский заметёт. Или по камерам засекут, и наряд вышлют. Домой надо заскочить, переодеться, и на голову что –нибудь. На своей машине и доеду до дачи, нечего мне ногами бегать». И Гурьянов вихрем помчался домой. Путь домой оказался непростым – Гурьянов, до своей судьбоносной встречи с дубом, успел довольно далеко умчаться и от Волковского кладбища, и от Мытищ. Пришлось таиться, пересекая улицы, внимательно выглядывать камеры видеонаблюдения, уклоняясь от встреч с редкими, по ночному времени, прохожими. Да ещё и свет от шишек демаскировал, приходилось тщательно закрывать их руками. «Вот чего я понять не могу», - думал Гурьянов, - «я же из гроба сам выломался, из могилы выкопался, по лесу сколько просек наделал, и сейчас несусь, как в молодости никогда не бегал, а усталости не чувствую. Может, я действительно, того – помер? Тогда почему я деревья животом ломаю? И дуб, опять же, чуть не снёс. Странно... Какая – то упакочка получается». Задумавшись так, Гурьянов не заметил, как на очередном перекрёстке лицом к лицу столкнулся с двумя чоповцами бородатой национальности, вышедшими из – за угла. «Конец...» - промелькнуло в голове у Гурьянова. Но, тут началась форменная фантасмагория – бородач повыше ростом зарычал, рычание перешло в вой, и чоповец, истошно завывая: «Шайтан! Джаханнен! Шайтан!», вмиг исчез. Второй бородач, ростом пониже, рухнул на землю и, прикрывая голову руками, завопил: «О, великий и ужасный Махур – Марид! Сжался надо мной, не ешь меня! У меня ещё детей нет!» Вопли перешли в неразборчивое лопотание, из которого Гурьянов смог разобрать лишь: «Рхма... рахим...». «Ага, воистину...», - пробормотал Гурьянов, перекрестившись. Пожав плечами, он двинулся дальше, подумав: «Вот дурни, обозваться не могут!» Наконец, Гурьянов подбежал к родному забору. Тепло стало на душе, Гурьянов уже представлял, как войдёт, вдохнёт домашние запахи, умоется,

переоденется в чистое, выкатит из гаража машину, и с комфортом рванёт на дачу, к дорогому сердцу кремлёвскому кирпичу. Подойдя к калитке, Гурьянов привычно опустил руку в карман, и понял, что ключей нет. «Дурни, книжки в гроб засунули, а ключи забыли!» - мелькнула злобная мысль. «И, как теперь? Звонок – то я сам на прошлой неделе отключил, чтобы поклонники моих талантов спасти не мешали. Придётся стучать!» - с этой мыслью Гурьянов принялся колотить в мощную калитку руками и ногами. Постучав безрезультатно минут пять, Гурьянов понял, что усилия его тщетны. «Так, придётся через забор. Надо же, как крепко жена спит, такой грохот, а она не слышит!» - и Гурьянов двинулся влево от калитки, туда, где на границе с его забором, соседский забор был совсем низок, и можно было, перелезши его, по соседскому участку, пройти вдоль забора к дальнему углу, где гурьяновский забор был ниже, чем у калитки. Без труда перелезши на соседский участок, Гурьянов направился было вдоль забора, но тут на крыльце соседского дома загорелся неяркий свет. «Василий, змей, опять нажрался!», - услышал он голос соседки, Дарьи Макаровны. «Какого хера ты тут тарарам устроил? Зачем спички жжёшь, скотина, пожар устроить хочешь? Я тебе счас покажу!» - соседка, потрясая скалкой, спустилась с крыльца, и направилась к забору, под которым притаился Гурьянов. «Ну вот, этого ещё не хватало!» - подумал он. «Макаровна, это я!» - поднялся Гурьянов навстречу приблизившейся соседке. Та, будто налетев на стену, остановилась с расширившимися глазами, выронила скалку, перекрестилась и, прохрипев: «Чур меня, чур, изыди, бес!» - рухнула без сознания. «Макаровна, ты это... полежи тут, я сейчас, я скорую, скорую из дома вызову» - ошеломлённо выдавил из себя Гурьянов, подбежал к забору, и подпрыгнул, пытаясь зацепиться за его верх. Ничего не вышло. Раз за разом, обдирая руки, подпрыгивал он, но забор был слишком высок. «Нужен какой – нибудь допинг», - понял Гурьянов, - «а, вот!» «Меня в школах изучают!» - заорал он, и, лёгкой кошкой, перемахнув двухметровый забор, мягко приземлился на своём участке. Оглядевшись, Гурьянов удивился: «Что это за туман над домом? Не то лиловый, не то голубой. Странно. Надо же, свет в окнах горит. Не спят, значит. Но, не открывают. К чему бы это? Ну – ка!» Подойдя к окну, Гурьянов заглянул в свой ярко освещённый кабинет, и увидел... себя, сидящего за письменным столом, и что – то увлечённо записывающего в толстую тетрадь. Вынести столь необычайное зрелище Гурьянов не смог, в глазах его потемнело, в ушах зазвенело, ноги подогнулись, и второй раз за ночь Гурьянов рухнул без чувств.

Глава 3.

Для поминок по Гурьянову был арендован ресторан «Кодру» - и от кладбища совсем недалеко, и ресторан хорош. Губернатор, по поводу столь радостного для себя события, расщедрился, и оплатил из спецфонда аренду на сутки, и кухню нон – стоп. Кроме традиционных кутьи с киселём, на столах чего только не было! Проще сказать, чего там на самом деле не было – не было стерляди, которую Гурьянов, по его собственному заявлению, никогда не пробовал, и поэтому вкус её забыл. Решено было уважать гастрономический выбор покойного, и стерлядь не подавать. Всё остальное было, и было в большом количестве.

Народа с кладбища пришло много. Не пришли лишь совсем немощные и хворые, и те, что знали о драгоценных кирпичах на гурьяновской даче, и давно мечтали этими кирпичами завладеть. Мечтатели прямо с кладбища отправились за грузовиками и грузчиками.

Не пришёл и Губернатор – сославшись на большую занятость и, главным образом, на то обстоятельство, что покойный лежал в гробу без маски, когда Губернатор пожимал ему руку. По этой причине Губернатору совершенно необходимо было самоизолироваться на пару недель в Куршавеле. Но, присутствовал губернаторский зам по общим вопросам. Не было и мэра города – он был в командировке в Ницце, по обмену опытом. Вместо мэра пришли два его зама, и любимая секретарша, которую мэр решил на этот раз в Ниццу не брать. Зато, в полном составе явились местные краеведы, которых усопший духовно окормлял своим краеведческим авторитетом. Много разного народа собралось, очень много. Конечно, несколько удивительно было отсутствие близких родственников, как на похоронах, так и на поминках, но, в конечном итоге, каждый из пришедших по – своему придумал этому уважительную причину. Из родственников прикатили только совсем дальние, не от из Маука, не то из Ерала, тридцать седьмая вода на киселе, какие – то внучатые племянники четвероюродного дедушки. Эти дальние родственники, зная, что у Гурьянова, кроме дома, есть шикарная загородная дача, решили за счёт этой самой дачи улучшить свои жилищные условия, уповав на то обстоятельство, что их четвероюродный дедушка, при строительстве оной, разбил себе лоб о стропила крыши.

Расселись, послушали первую речь, выпили поминальную, закусили. Снова послушали речь какого – то зама, выпили, закусили. И ещё много речей послушали, и официальных, и эмоциональных, и кратких, и многословных, и выпивали каждый раз, и закусывать на забывали, благо – было чем.

Первыми устали краеведы – лишившись предводителя, они стали слабы и дезорганизованы, быстро осовели, и дружно заснули в своём углу, посапывая и похрапывая, и пуская слюни. Вторыми сдались два мэрских зама – один так и заснул с ложкой чёрной икры во рту, а другой, после безуспешной попытки уединиться в VIP – зоне с хорошенькой учительницей

начальных классов, уединился там в одиночестве, сдёрнул со стола белоснежную скатерть, завернулся в неё, и забылся на диване.

Постепенно нарастал гул голосов, стали раздаваться поначалу робкие, но всё более и более громкие смешки, и уже слышались возгласы: «Музыку!», и уже клялись где – то в вечной дружбе и любви, и даже драку разняли в туалете, и притащили магнитофон, совершенно случайно у кого – то оставшийся после одной из гурьяновских выставок, и завели ламбаду, и повалили танцевать, и уже поминки превратились в настоящую массовую пьянку, как вдруг пронёсся по залу стылým холодом крик: «ГУРЬЯНОВ!!!» «Что? Что Гурьянов? Гурьянов? Что Гурьянов?» - раздались испуганные возгласы; подавившись, смолкла музыка; все затихли, и с внезапным непонятным волнением воззрились на губернаторского зама, стоявшего у центрального входа в зал. На зама было страшно смотреть: выпученные глаза безостановочно блуждали, со лба стекал холодный пот, руки тряслись, и мертвенная бледность покрывала его лицо. «Гурьянов...» - выдавил зам, несколько раз глотнул ртом воздух, и продолжил: «Гурьянов выкопался. Идёт сюда».

Столь ошеломляющее известие подействовало на всех по – разному: кто – то встал, кто – то сел, кто – то схватился за голову, кто – то замер, но немая сцена продолжалась недолго. Все разом заговорили, закричали; один из гурьяновских литературных негров громогласно призвал немедленно, не сходя с места, составить обращение к нации; кто – то предложил вызвать охотников за привидениями – его тут же подняли на смех, как насмотревшегося детского кино; многие требовали продолжать поминки, столь счастливо превратившиеся в банкет, и доестъ и допить, пока Гурьянов идёт; и напрасно губернаторский зам, надрывая голос, призывал всех к тишине. Наконец, отчаявшись, он схватил большой медный таз, присутствовавший на поминках в качестве артефакта и символа бренности всего сущего – именно этим тазом в своё время накрылся Национальный Музей Радио, и с размаха швырнул его на пол. Оглушительный грохот мгновенно заставил замолчать шумевших, и наступила тишина.

«Слушайте», - прохрипел зам, - «гроб и могила словно взорваны изнутри страшной силой. Служащие кладбища обнаружили в прилегающем лесу просеки, проделанные Гурьяновым, или тем, во что он превратился, и его следы. Следы идут по направлению к ресторану. Пока ясно одно – Гурьянов стал опасен. Необходима эвакуация».

Внезапно, в насупившей гробовой тишине, слышался скрип, перешедший в скрежет, двери VIP – зоны с грохотом распахнулись, и в тёмном проёме появилась высокая белая фигура, непрерывно дёргавшаяся, и совершавшая длинными широченными руками загребающие движения.

АААААААААААААААААААА!!! – вопль всех поминавших слился в единый рёв, люди неистово толкались, оттирая и отпихивая друг друга, ломились в

двери, метались в панике по залу, опрокидывая столы и стулья; пытались найти выход за деревянной барной стойкой; выбегали, падая, через служебный ход, выпрыгивали через выдавленные окна.

Вмиг опустел зал, повсюду на полу валялись раздавленные блюда с едой; половина столов была опрокинута, истекали напитками разбитые бутылки, и лишь в дверях VIP- зоны неистово пытался освободиться от спутывающей его скатерти столь не вовремя проснувшийся мэрский зам.

Глава 4.

Сознание вернулось сразу, вдруг, будто включили свет. Гурьянов сразу осознал, где он находится, и что с ним происходит. Хотя, если быть точным, он как раз совершенно не мог понять, что происходит с ним, и с окружающей действительностью. Впрочем, он решил не рефлексировать, и прибегнул к традиционному заклинанию: «Дурни!» Помогло и на этот раз. На душе прояснилось, но тут же всплыла тревожная мысль о драгоценных кирпичах. «Так. Нужно сначала выяснить, почему я сразу здесь и там. И всё одновременно. И вообще, где жена?» - Гурьянов решительно зашагал к крыльцу. До ступеней, знакомых до каждой трещинки, остался один шаг. Остался один шаг. Остался один шаг... Остался... «Что за ерунда!», - подумал Гурьянов, - «я иду, и иду, но не могу подойти к крыльцу!» Гурьянов ускорил шаг, и ещё ускорил, и побежал, но оставшийся до крыльца шаг так и не был преодолен. Совсем запыхавшись, Гурьянов остановился: «Мама! Мне плохо! Или я сплю? Так. А если через окно?» Но, и у окна всё повторилось. И у второго окна. И у третьего. И у четвёртого. И у гаража. Совершенно потерявшийся Гурьянов присел на подвернувшуюся старую табуретку, и задумался. Думал он долго, но ничего придумать так и не смог. «Чёрт! Что же я расселся, там же дурни кирпичи с дачи вывозят! Так. Забежать в сарай, там старая куртка и шапочка. Чтобы шишки не светились. Может, хоть туда попаду» - с этой мыслью Гурьянов бросился к сараю, чуть поколебавшись, протянул руку к двери... Дверь открылась, и Гурьянов прошмыгнул внутрь. Привычно включил свет, и первое, что он увидел, была стопка картонных задних стенок от радиол и радиоприёмников. «Что за кракозябра? Я же их в прошлом году сжёг!» - удивился Гурьянов. Он шагнул дальше, к вешалке, на которой висели всякие фуфайки и старые куртки, и заорал от ужаса – из старого зеркала, приделанного рядом с вешалкой, на него глянул демон. Самый настоящий демон, весь чёрный, с глазами, отблёскивающими красным, и с двумя дымно – красными светящимися рогами. Гурьянов в ужасе перекрестился – демон сделал то же самое. «Тьфу, дурень, это же я сам отражаюсь», - понял Гурьянов, - «и не рога это, а шишки светятся! Эх, жаль, воды нет, умыться». Скинув разодранную и грязную похоронную

одежду, Гурьянов облачился в старые штаны и куртку, натянул вязаную шапочку, и выбежал наружу.

Первое, что он услышал, было завывание сирен полиции и скорой помощи, и вопли Макаровны из – за забора: «Бесы! Бесы! День последний настал, кайтесь в грехах! Бесы, везде бесы! Он грядёт, он грядёт! Кайтесь! На горе Елеонской три шестнадцать! Отрекохом отвергаша!»

Гурьянов понял, что ему пора. Пробегая мимо окон, он заглянул в свой кабинет, и замер. Сердце его сжалось – в кабинет вошла его жена, и что – то сказала ему, сидящему там, в доме, за столом... Смахнув набежавшие слёзы, Гурьянов встrepенулcя, кинулся к забору, привычно уже заорал: «Меня в школах изучают!», перелетел через забор, и непонятная сила опять подхватила его, и понесла в сторону дачи, через леса, шоссе, улицы и дороги. «В Райки! В Райки! В Райки! Трудиться, трудиться, трудиться!» - думал Гурьянов на лету.

До Райков оставалось совсем немного, как вдруг, сразу после садов «Биолог», неизвестная сила, вихрем несущая Гурьянова, начала ослабевать, скорость гурьяновского бега замедлилась, и почти на границе лесополосы он остановился. «Ну, вот», - подумал Гурьянов, - «похоже, что – то сломалось». Неожиданно, он услышал впереди какое – то жужжание, похожее на звук коллекторного электромотора. Пройдя вперёд, метров через пятьдесят, он увидел нечто, быстро крутившееся, и жужжавшее. Прислушавшись, Гурьянов понял, что это звучит какая – то музыка, и даже ему знакомая, но очень ускоренная, настолько, что была похожа именно на жужжание. Крутившееся нечто, крутилось так быстро, что никаких деталей разглядеть не было возможно, хотя Гурьянов снял шапочку, чтобы шишки на голове осветили местность.

Подойдя поближе, Гурьянов громко потребовал: «Гость, обзавись!» И услышал в ответ: «Па – а – шё – ёл ты – ы!»

- Ты кто? – спросил Гурьянов.

- Ты – ы чё – о, не – е узна – ал чё – о ли – и? – слова из – за быстрого вращения были разорваны на слоги и отдельные звуки, - Ши – из – га – а – ара я – а, Ши – из – га – а – ара!

- Ой, ты – Маришка Вереш? – обрадовался Гурьянов.

- Ду – у – ре – е – нь, я – а Ши – из – га – а – ара! Ма – а – риш – ка – а да – а – вно – о у – у мер – ла – а!

- А чего крутишься? -

- Та – ак ты – ы же – е ме – ня – а ско – оль – ко – о кру – у – ти – л! И – и до – ома кру – у – тил, и – и на – а ра – а – бо – те, и – и на – а да – а – че, и – и в и – ин – тер – не – е – те – е! Я – а те – пе – ерь о – оста – а – но – о – вить – ся – а не – е мо – огу – у! Те – е – перь ты – ы мне – е по – о – пал – ся – а, сво – о – лочь! Э – э – то – о я – а те – ебя за – а – тор – мо – о – зила – а! Я – а те – бя – а сей – ча – ас при – и – стре – е – лю – у!

- Ты ври, да не завирайся, дурища! Чем ты меня пристрелишь, пальцем?
Тоже мне, воентог нашёлся!

- Па – а – льцев у – у ме – еня не – ет! Ты – ы за – абы – ыл, ка – ак во – о мне
– е по – о – ётся – а? Са – ам же – е по – од – пе – е – вал!

И тут, голосом Маришки Вереш, Шизгара отчётливо пропела: «Her weapons were her crystal eyes!», сухо щёлкнул выстрел, и над самым ухом Гурьянова свистнула пуля. Гурьянов рыбкой прыгнул в сторону, упал на спружинивший живот, откатился за так кстати нашедшийся бугор, и ужом, вспомнив армейскую подготовку, заелозил по земле в сторону близкой лесополосы. Сзади щёлкали выстрелы, над головой то и дело посвистывало. И, когда Гурьянов, уже посчитав себя в лесочке в безопасности, поднялся на колени, щёлкнул ещё один выстрел, свистнуло, прямо перед Гурьяновым в толстую берёзу вонзилось что – то приличного размера, и на него глянул мёртвым зрачком глубоко вошедший в ствол дерева искусственный глаз. «Хрустальными глазами стреляет!», - догадался Гурьянов, - «сташно! Хорошо, что крутится, прицелиться не может!»

Ещё не веря, что всё благополучно закончилось, на трясущихся ногах, пригибаясь, Гурьянов проскочил лесополосу, натянул на голову шапочку, которую он продолжал сжимать в руке, побежал, и ощутил, что неведомая сила снова подхватывает его, и несёт к даче.

Уже на дальнем подходе к своей даче, Гурьянов услышал шум нескольких моторов, а подбежав совсем близко, увидел сундукообразный линкольн, и пару крузаков, стоявших перед забором его дачи, и отчаянно ревели моторами. Вокруг стояли оживлённо жестикулировавшие люди, невдалеке вырисовывались силуэты нескольких грузовиков, а в кузове одного из них возвышался небольшой экскаватор.

Первым побуждением Гурьянова было выскочить из леса, и заорать: «Дурни, пошли все вон от моей дачи!», но последние события заставили его стать осторожным. Он, крадучись, подошёл как можно ближе, насколько позволяли кусты, осмотрелся, с удовлетворением отметил, что паровоз, стоявший у него за баней, на месте, и решил оценить ситуацию. Вся дача была накрыта прозрачным, лёгким, но хорошо различимым в наступивших предрассветных сумерках, лилово – голубым туманом, какого Гурьянов никогда здесь не видел. Пытаясь понять, кто это пожаловал к нему на дачу, Гурьянов стал внимательно разглядывать людей и машины, и вдруг понял, что колёса стоящих на месте автомобилей бешено крутятся. Стекло водительской двери линкольна чуть опустилось, и человек, сидящий за рулём, что – то прокричал другому, стоящему к Гурьянову спиной. Тот махнул рукой, и моторы всех трёх машин смолкли, а колёса постепенно перестали вращаться. "Я ни хера не понимаю, у меня на спидометре двести двадцать было!" - возбуждённо заорал выскочивший из ближайшего к Гурьянову крузака человек. «Бля, у меня тоже!» - ответил сидевший в линкольне.

«Бесполезно» - с армянским акцентом сказал человек, стоящий к Гурьянову спиной, повернулся, и Гурьянов с удивлением узнал директора мытищинской строительной фирмы. «Так мы не попадём. Выгружайте экскаватор» - продолжил тот. К обладателю армянского акцента подошли ещё две внушительные фигуры, и Гурьянов их сразу узнал – один занимался в местной администрации хозяйственными делами и, по слухам, был владельцем многочисленной московской недвижимости, а второй оказался ближайшим подручным авторитета Мраза Мытищинского, и за ним тянулась нехорошая слава. «Вот же свёподапря! Это не шизгара, эти сразу пристрелят, и закопают уже наверняка!» - поёжившись, подумал Гурьянов. Троица отошла к забору дачи, и Гурьянов не слышал, о чём они говорят. Тем временем, набежавшие из грузовиков люди завели экскаватор, споро скатили его из кузова по трапу, экскаваторщик умело сделал ковшом разбивку перед воротами, и начал копать яму. «Вот же дурни, как я теперь в ворота заезжать буду!» - кипел Гурьянов. Экскаваторщик хорошо знал своё дело, гора вынутой земли быстро росла. Вот она выросла уже на два метра, вот стала расти уже в длину, но тут экскаватор остановился. «Сука, яма вааще не увеличивается!» - заорал кто - то. Троица начальников опять подошла близко к Гурьянову, и он мог слышать их разговор.

- Похоже, это Гурьян устроил тут заколдун какой – то, да и заземлился – сказал хозяйственник.

- Да ну, ботан очкастый, что он устроить может? – ответил строительный директор.

- А если на вертолёте сверху попробовать? – предложил подручный Мраза.

- Ну да, а две тысячи тонн кирпича тоже вертолётom вывозить? - ответил хозяйственник, - а вдруг ещё и обратно не выпустит? Ладно, утро уже, - продолжил он, - порешаем так: здесь оставим людей, поляну эту сечь, если что – они нам маякнут. Днём обкашляем это дело со знающими людьми, а потом посмотрим, что дальше делать. Лады?

Залезши в машины, троица умчалась. Экскаватор быстро закатали в кузов, и грузовики с людьми уехали вслед. Остался лишь чёрный ниссан, в котором сидели двое.

«Да, упакока получается!» - думал Гурьянов. «На дачу я теперь тоже не попаду. Но и дурни не попадут, и кирпич не вывезут!» - обрадованно понял он. «Что же теперь делать? Я уже ужинать хочу, как из пушки! И ведь не зовёт никто. И денег нет. Так. Не иначе – к Владимиру Ильичу в Петровское переться придётся. Как же мне побыстрее туда попасть? Петровское как раз напротив, с противоположной стороны Москвы. Вокруг - долго, а я ужинать сильно хочу. На такси – денег нет. Вот дурни! Книжки в гроб засунули, книжки! А денег не положили! Промчаться напрямую? Нет, могу не затормозить вовремя. И – того. Об дом убьюсь. Или на столб намотаюсь. Эврика! В смысле – нашёл! Из Мытищ, по водоводу – до Кремля, от Кремля

до Новодевичьего монастыря – подземным ходом, там старинный ход есть, а от Новодевичьего до Изварино – Борискиным Лазом. А там уже и Петровское недалеко, мигом домчусь. Говорят, что Борискиного Лаза нет, но я – то знаю, где он. Я – краеед! Я – знаю! Всё! В Мытищи!»

Гурьянов развернулся, собираясь отойти от дачи чуть дальше, но тут хлопнули дверцы чёрного ниссана, в котором сидели оставленные соглядатаи, и Гурьянов решил вернуться на свой наблюдательный пункт. Из машины вылезли, зевая, два парня с пуговичными боксёрскими носами, и с переломанными ушами – пельменями, лениво потянулись, закурили, и неторопливо пошли мимо Гурьянова, к даче.

- Слышь, Седой, а чё тут за непонятки какие? Ты чё – нибудь знаешь?

- Да вроде тут колдун жил, который мытищинский кремль спёр.

- А чё, в Мытищах разве кремль был?

- Говорят, был. Мне моя бабка даже сказку рассказывала, когда я совсем мелкий был, что в этом кремле какие – то типа крутые бойцы, что – ли, жили.

- А потом куда он делся?

- А хер его знает. Вроде как этот колдун его спёр, чья дача, и с тех пор кремль никто найти не может.

- А на хера его искать?

- Так он вроде из Вечного Кирпича был, и в каждом кирпиче золотой ефимок заложен. Монета типа такая. Старинная.

- погоди, погоди! Так вот чего наш Хозяин рыбом бьётся, а я понять не мог! Здесь этот кирпич, здесь! Вот и кипиш потому вокруг дачи!

- Да ну нах!

- Да чтоб меня ботан побил! Я как – то к Хозяину в кабинет заходил, по делу, а он в сети цены смотрел, на забугорных аукционах, на кирпич, на этот... антекварный.

- И чё?

- Ну, чё – чё, по сто пятьдесят баксов штука. И написано – русский кирпич, шестнадцатый век. Хозяин бегал, как ужаленный, всё причитал – его две тыщщи тонн, две тыщщи тонн! И потом я слышал, он с кем – то перетирал, что кирпич точно на даче у этого... Гурова, что – ли. Брат, говорил, надо, а как?

- Ну – ка, погоди. Сколько один кирпич весит?

- Да хрен его знает. Ну, пусть пять кило штука.

- Так. Счас я на калькуляторе... Бляяая!

- Чё?!

- Шестьдесят лимонов! Баксов!

- Ух ты, бляяая! Бляяая! Да за такие лавэ!

- Даааа!

- погоди! Видишь, вон там, справа, сосна здоровенная, у забора? И ветка огромная над забором, высоко!

- Ну?

- У нас в багажнике бухта верёвки. Я на сосну заберусь, проползу по ветке, а ты меня на верёвке сверху спустишь! Сверху – то заколдун должен пустить. Поищу кирпич!

- Ну, найдёшь, и чего?

- Как чего, кто считать будет, две тыщщи тонн там было, или тыщщу девятьсот? Никто же не знает точно! Вытащим, загоним потихоньку. Три лимона наши! Баксов!

- А как делить будем?

- Да как делить, пополам!

- Идёт!

Парни бегом вернулись к машине, вытащили из багажника бухту верёвки, бегом же направились к сосне, размотали бухту, один залез наверх, второй подал ему конец верёвки, первый прополз по ветке над забором, пропустил верёвку через развилку сучков, и ловко повис, ухватившись за верёвку. Второй, оставшийся внизу, начал потихоньку верёвку отпускать, и первый двинулся вниз, во двор.

«Ах ты ж, вам это не надо!», - до замирания сердца испугался Гурьянов, - «ведь найдут кирпичи, дурни!»

Вдруг, с громким треском, ветка обломилась, и первый ловкач, вместе с обломившейся веткой и опавшей верёвкой, повис в воздухе, не падая, метрах в пяти над землёй, нелепо дёргая руками и ногами. «Седой, Седой, заberi меня отсюда!» - услышал Гурьянов его панический крик.

«Дурни! Эх, молодёжь, вас ещё не было!» - усмехнулся Гурьянов, развернулся, побежал, и снова неведомая сила подхватила его, и стремительно понесла в сторону Мытищ. И опять нёсся Гурьянов не разбирая дороги, проделывая в кустарнике просеки, ломая животом тонкие деревья, и опасно огибая деревья большие.

«В Москву! Разогнать тоску!» - напевал на лету Гурьянов.